

ПРИЧАСТИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Раметова Бибимарьям Махмудовна
Международный университет Нордик
m.rametova@nordicuniversity.org

***Аннотация:** В статье рассматривается причастие как функциональная форма глагола в каракалпакском языке. Особое внимание уделено его двойственной природе, объединяющей признаки глагола и имени. Проведен сравнительный анализ специфики причастия в русском и тюркских языках. Выявлены ключевые грамматические особенности причастий, такие как их способность субстантивироваться и адъективироваться. Особенности употребления причастий в тюркских языках рассматриваются на основе синтаксических и морфологических функций.*

***Ключевые слова:** причастие, тюркские языки, каракалпакский язык, двойственная природа, субстантивация, адъективация, глагольные категории, синтаксические функции.*

Причастие занимает особое место в русском языке, ведь оно представляет собой непростой аспект грамматики. Уже при попытке определить его грамматический статус возникают сложности. Это неудивительно, ведь причастие сочетает в себе черты двух частей речи – прилагательного и глагола. Лингвисты не раз обсуждали этот вопрос и предложили разные подходы к пониманию причастия. Сегодня можно сказать, что в русской грамматике существует несколько точек зрения на его природу.

Античная традиция сыграла важную роль в становлении русской грамматики. Например, Дионисий Фракийский, представитель Александрийской школы, создал систематическое описание древнегреческого языка, выделив в нём восемь частей речи. В его теории причастие рассматривалось как самостоятельная часть речи. Со временем эта теория изменилась: в систему добавили междометие, однако причастие продолжило сохранять свой статус отдельной части речи.

Взгляды Дионисия Фракийского оказали заметное влияние на развитие грамматических традиций церковнославянского языка. Одним из ярких примеров их воплощения стала грамматика М. Смотрицкого – важный труд, опубликованный дважды, в 1619 и 1648 годах. Эта работа сыграла значительную роль в формировании представлений о грамматике, и её идеи нашли отклик у многих последующих исследователей.

Так, М.В.Ломоносов, прекрасно знакомый с грамматикой Смотрицкого, продолжил развивать представление о причастии как о самостоятельной части речи, оставаясь верным традициям, заложенным его предшественниками. Подобный взгляд на причастие поддерживали и известные лингвисты, такие как А.А. Потебня, Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов и многие другие. Они в своих трудах подтверждали значение причастия как уникального элемента языковой системы, подчеркивая его самостоятельность и важность для грамматической структуры.

Н. М. Шанский и А. Н. Тихонов в «Современном русском языке» пишут, что причастие в равной степени соотносится и с глаголом, и прилагательным¹. По этой причине в некоторых теориях причастие рассматривается нечто промежуточное между глаголом и прилагательным, более приближенное к прилагательному: отглагольное прилагательное, «гибридная глагольно–прилагательная форма» и т.п. Авторы академической грамматики соотносили причастие с глаголом, выделяя его в качестве атрибутивной формы глагола. Данный подход в рамках русской грамматики признан традиционным. Но, согласно взглядам Н.М. Шанского и А.Н. Тихонова, ни одна из выдвинутых теорий, несмотря на веские доказательства, не может считаться абсолютно верной. Так, в аспекте отнесения причастия к прилагательному не берутся во внимание глагольные признаки причастия, к глаголу – игнорируются признаки прилагательного. Именно двойственная природа причастия, обусловленная в равной степени выраженными признаками и глагола, и прилагательного, позволяет выделить его в самостоятельную часть речи.

Как мы отметили ранее, являясь грамматической формой, которая представляет собой сложную структуру и содержание, в причастии переплетаются элементы двух частей речи – прилагательного и глагола. Как отмечал В.В. Виноградов, эти два компонента сталкиваются в форме причастия, что приводит к интересному взаимодействию их значений и грамматических характеристик. Такое сочетание различных грамматических категорий, а также способность причастия адаптироваться как в морфологическом, так и в синтаксическом плане, делает его объектом множества различных исследований. Это переплетение прилагательных и глаголов вызывает разнообразие подходов к трактовке природы причастия и порождает различные точки зрения на его сущность.

Кроме того, система русского причастия является неоднородной, так как включает в себя формы, которые существенно различаются как по своему значению, так и по грамматическим признакам. Это разнообразие форм и их многообразие в контексте значения и грамматики придает системе причастий сложность и многозначность, что также обуславливает наличие

¹ Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: в 3 ч. – М.: Просвещение, 1987. Ч. 2. – С. 206.

разногласий среди лингвистов относительно классификации и трактовки этих форм.

В разных языках причастие может выполнять две функции: атрибутивную, когда оно выступает в качестве прилагательного и обозначает признак предмета, и динамическую, когда оно тесно связано с глаголом и обозначает действие. При этом причастие сохраняет категориальные признаки глагола, такие как форму отрицания на *-ма/ -ме*, залоговые и временные формы.

«Причастием называется такая форма глагола, которая одновременно обладает признаками глагола и прилагательного, иначе говоря, является отглагольным прилагательным. Если с одной стороны, причастия различаются во времени и принимают аффиксы сказуемости, то с другой – они, как всякое прилагательное, определяют признак предмета»². Заметим, что эта характеристика в равной степени правомерна и в отношении причастия каракалпакского языка, а также других языков тюркской семьи, к которой относится каракалпакский язык.

Причастие в тюркских языках выполняет функции как глагола, так и имени, и может быть субстантивировано или адъективировано. В отличие от русского языка, где причастие имеет грамматические формы прилагательного, в тюркских языках атрибутивная связь с определяемым словом осуществляется примыканием, ср.:

келген адам – пришедший человек

келген адамлар – пришедшие люди

келген адамды (вин.п.) – пришедшего человека

келген адамларды (вин.п.) – пришедших людей и т.д.

Этим же способом в тюркских языках осуществляется связь прилагательного и существительного, ср.:

жаман адам – плохой человек

жаман адамлар – плохие люди

жаман адамды (вин.п.) – плохого человека

жаман адамларды – плохих людей и т.д.

Естественно, что специфика причастия в том или ином языке получает отражение и в определении этой категории. Поэтому не случайно определение причастия в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой имеет следующую формулировку:

«Причастие – именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно именам прилагательным и обозначающая действие (состояние, процесс), приписываемое

² Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М., 1948. – С. 189.

липу или предмету как их признак (свойство), проявляющийся во времени³.

Как видно, изменение «подобно именам прилагательным» конкретизируется указанием на язык. Напротив, в формулировке, данной проф. Н.К.Дмитриевым, указывается, что причастия в тюркских принимают аффиксы сказуемости. Ср. например: *келгенмен – я пришедший – я пришел келгенсең – ты пришедший – ты пришел и т.д.*

Причастия (как и деепричастия) в тюркских языках явились основой для образования *verbum finitum* многочисленных временных форм индикатива, а также других наклонений. Однако некоторые из них, как например, производные формы на *-ген* (причастие) *келген адам – пришедший человек*, деепричастие: *келгенше – пока он не пришел*, глагольное имя: *келгеним – мое прихождение*, *verbum finitum*: *келгенмен – я пришел*) настолько тесно связаны между собой, что выделить в них «чистый глагол» весьма трудно. Можно говорить, – лишь о различных синтаксических функциях единой формы на *-ган*. Поэтому прав А.К.Боровков, когда останавливаясь на особенностях и отличиях причастий от деепричастий в тюркских языках, пишет, что «причастие может рассматриваться с точки зрения контаминации двух функций – прилагательного и существительного, деепричастие же как наречие глагольного происхождения, но это далеко не исчерпывает синтаксических функций этих глагольных форм, и рассматриваться они должны, следовательно как глагольные категории в системе глагола»⁴.

А.Н.Кононов отмечает, что свойства причастий эти глагольные формы приобретают «лишь в результате употребления их в функции определений, т.е. синтаксическим путем. Так, например, форма типа ёзган в зависимости от синтаксического употребления может иметь три значения:

1) Отглагольного прилагательного – причастия (в функции определения): ёзган ўқивчи – писавший ученик;

2) Существительного (в функции подлежащего или дополнения): Ёзганлар кетди – Писавшие ушли. Хат ёзганини биламан. – Я знаю, что он написал письмо.

3) *Verbum finitum* – (в функции сказуемого): Буни бир ўқивчи ёзган – Это писал один ученик»⁵.

Причастие в тюркских языках, и в частности в каракалпакском языке, играет важную роль как функциональная форма глагола, обладающая двойственной природой, объединяющей

³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 363.

⁴ Боровков А.К. О частях речи в языках тюркской системы – «Революция и письменность», № 2, ВЦКНА. – М., изд. 1936. – С. 96.

⁵ Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. – Ташкент: Гос.изд-во УзССР, 1948. – С. 204.

признаки как глагола, так и имени. В отличие от русского языка, где причастие обладает явными грамматическими формами прилагательного, в тюркских языках причастие может проявлять гибкость, выполняя функции как прилагательного, так и существительного. Это возможно благодаря особенностям синтаксической связи с определяемыми словами – через примыкание, что является характерной чертой этих языков. Причастие может быть субстантивировано и преобразовано в существительное, а также адъективировано и функционировать как прилагательное. В зависимости от синтаксической функции причастие может быть использовано как отглагольное прилагательное (в роли определения), существительное (в роли подлежащего или дополнения) или глагольное сказуемое (в роли *verbum finitum*).

Таким образом, природа причастия в тюркских языках, включая каракалпакский, демонстрирует его многогранность и универсальность, в отличие от более фиксированной роли в других языках, таких как русский. Изучение таких категорий, как причастие, способствует более глубокому пониманию структурных особенностей языков тюркской группы и их синтаксических механизмов, что позволяет раскрыть уникальные особенности грамматических систем разных языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. – 525 с.
2. Боровков А.К. О частях речи в языках тюркской системы – «Революция и письменность», № 2, ВЦКНА, М., изд. 1936. – 110 с.
3. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.– Л., 1948. – 276 с.
4. Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. Ташкент: Гос.изд-во УзССР, 1948. – 273 с.
5. Раметова, Б. М. (2022). РУССКИЙ И ТЮРСКИЙ ЯЗЫКИ: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ, РЕЧЕВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ. In Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития (pp. 388–392).
6. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: в 3 ч. – М.: Просвещение, 1987. Ч. 2. – 256 с.
7. Toshpulatova, D. (2024). Современный виртуальный дискурс. Игровой сленг как элемент современного виртуального дискурса. *Nordic_Press*, 3(0003).